

23. Башмачникъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ-былъ государь Христофоръ Скурлатовичъ; жилъ онъ хорошо, исправно, велъ свою жизнь добро. Въ одинъ разъ сидли онѣ въ номерахъ со своей государоней и сказавъ онъ ей: „какъ я замичаю, што въ городѣ всякихъ мастеровъ достаточно, а нѣтъ хорошѣво башмашника“. Она отвичала ему: „это дѣло не мое, а твоѣ“. Онъ тотчасъ скричавъ дворечково. Дворечкой являетчо: „чово, государь, угодно?“ „Послушай, дворечкой! у насъ въ городѣ всякихъ мастеровъ довольно, только нѣтъ при дворѣ хорошѣво башмашника; сходи въ городъ, найми чеховово мастера и приведи ко миѣ; у меня есть мальчикъ Зоря Кручининъ, такъ я отдамъ ево въ обученьѣ“. Дворечкой выслушавъ, одивсе почищо и пошовъ въ городъ, нашовъ чеховово мастера и говоритъ ему, што нашъ государь Христофоръ Скурлатовичъ васъ требуетъ“. Башмашной чеховой мастеръ одивсе почищо и являетсяъ къ государю, тотъ и говоритъ: „Вотъ у меня есть мальчикъ, Зоря Кручининъ, ты возьми ево и обучи мастерству, я тибѣ заплачу“. Чеховой мастеръ отвитивъ: „Государь! приведите мальчика“. Дворечкой бросивсе, привелъ мальчика и передавъ чеховому мастеру; тотъ получивъ мальчика и сказавъ: „прощайте, государь!“ и отправивсе въ свое мѣсто.—Такъ мальчикъ жпвѣ у ево три года и научивсе шить сапоговъ очень хорошо. Вотъ чеховой мастеръ и доложивъ государю Христофору Скурлатовичю, што вашъ мальчикъ шьетъ хорошо.

Государь, услышавъ это, приказавъ мальчика привести во дворець; когда-жо мастеръ приводитъ мальчика, то государь сказавъ: „Дворечкой! сходи въ городъ и купи товару всяково, какой для ево требуется“. „А ты, Зоря Кручининъ,

послушай,—говоритъ ему государь,—сшей мнѣ 12 паръ башмаковъ!“ Дворечкой принесъ товару, вотъ Зоря Кручининъ и ставъ шить, кроить 12-ть паръ башмаковъ. Такъ онъ сшивъ 12-ть паръ башмаковъ чисто, превосходно, отлично; приносить къ государю и говоритъ: „Вотъ, государь, башмаки готовы!“ Государь принявъ башмаки, смотривъ, вертивъ, изъ двѣнадцети паръ одна ему не понравилась. Сказавъ государь: „Ты мнѣ сшей ищо 20 паръ башмаковъ, и если ты ихъ экъ сошьешь, не одна пара не погодитсѣ, то я вышлю тебя изъ города“. Зоря Кручининъ пошовъ невеселъ, што работа ево не понравилась государю. Сшивъ онъ и 20-ть паръ башмаковъ чисто, превосходно, отлично, и приносить ихъ къ своему государю. Государь принявъ башмаки, смотрѣвъ, глядѣвъ, перевѣртывавъ и изъ 20-ти паръ одна ему не понравилась. Сказавъ государь: „такъ будешь работать, такъ выходи изъ нашово города вонъ!“

Дѣлать нечово; Зоря Кручининъ обрядивсѣ и пошовъ изъ города вонъ; а когда-жо онъ пошовъ, то на выходѣ изъ города стоявъ кабачокъ; сравнявсѣ съ этимъ кабачкомъ, оттуда выходитъ незнакомый и говоритъ: „Здрастуй, Зоря Кручининъ!“ Онъ ему отвѣчаетъ: „Какъ-жо ты меня знаешь, а я тебя не знаю?“ „Ну, вотъ, говоритъ, я тебя давно знаю!... А што-жо ты, Зоря Кручининъ, не веселъ?“ спрашивавъ незнакомецъ. „А вотъ, братъ, потому я невеселъ, што своему государю не понравивсѣ въ работѣ; ежели бы чортъ бывъ, и тому, кажетсѣ, понравивсѣ бы въ работѣ, а государю не могу“. Незнакомецъ ему говоритъ: „я вѣрно чортъ!“ „Почому можно удостовирить, спрашиваетъ Зоря Кручининъ, што ты вѣрно чортъ?“ „Ахъ, братецъ, какой ты невѣрной! а вотъ зажмури глаза, отойди на три шага, я отолью тибѣ пульку!“ Тотъ отошовъ. Вотъ чортъ и говоритъ: „Зоря Кручининъ! открой глаза, смотри!“ Зоря смотритъ и видитъ, что сертукъ на сибѣ оказавсѣ такой убранной, што отличной. Вотъ Зоря и говоритъ: „Нѣтъ, братъ, я не увѣренъ, што ты чортъ, ты мазурикъ какой нибудь.— Какъ ты могъ такъ скоро меня переодить?“ Чортъ опѣтъ говоритъ: „Зажмури и во второй разъ глаза!“ Тотъ зажмуривъ. „Ну, топерь, говоритъ, открой-жо, Зоря, глаза!“ Когда Зоря Кручининъ открывъ глаза, передъ нимъ стоитъ такой

дворецъ убранной, што лучше государева. Спрашиваетъ Зоря: „кому принадлежитъ такой дворецъ?“ А чортъ ему говоритъ: „Пожалуйте мнѣ вашу руку и поидемте во дворецъ!“ Когда-жо онѣ пришли во дворецъ и замичаетъ Зоря Кручининъ, што во дворцѣ убранство, просторство—ахъ, мача-куча! Вотъ Зоря Кручининъ забавлявсе тутъ три дни, а на четвертой подходитъ къ нему чортъ и спрашиваетъ: „Ну, што, хорошо здись жить?“ „Да, говоритъ Зоря, хорошо“. Чортъ опѣтъ спрашиваетъ: „А хочешь-ли, Зоря, жонитсе? Я тебя жоню“. „А гдѣ-жо, говоритъ, ты меня жонишь?“ „У вашево государя, говоритъ чортъ, есть доць Догàда, я на ней тебя жоню!“ „Охо!-хо! захохотавъ Зоря Кручининъ,—это, братъ, говоритъ, хорошо, я согласенъ!“ Тогда чортъ сказавъ: „Ну, такъ поидемъ изъ дворца“. Вышли онѣ изъ дворца, а тутъ стоитъ конюшенка, а въ ней двѣ лошади, чортъ и говоритъ: „уздай и сѣдлай про себя лошадь!“ Вотъ Зоря взявъ войлочокъ косящатой, сидѣлышко черкасское, плетку шовку шемыхансково, обсѣдлавъ, обуздавъ, совсѣмъ исправиль лошадь. Вотъ они сили на лошадокъ и отправились. Ёдучи дорогою и говоритъ ему чортъ: „Послушай, Зоря Кручининъ! вотъ мы приидемъ къ вашему государю Христофору Скурлатовичу, а у ево прежде твоево сватавсѣ князь Дардаванъ; у ево бывъ слуга Притычкинъ, такъ ты меня зови Притычкинымъ. Когда приидемъ ко дворцу, то государь выйдеть встричать, ты обходись съ нимъ почище, высоко не задѣвай и низко не оставляй. Вотъ когда поведуть тебя въ столовую горницу, государь скажетъ: „послушай, мой любезной Дардаванъ! Какъ жо вы лошадей не привязали и некому не сказали? кто уведеть ихъ—я отвичеть не буду“. Ты тогда меня и крикни: Притычкинъ! и ткни меня ногой такъ, штобы я перевернувсе“. Приѣхали. Государь смотритъ въ окно, видить—отличной кучеръ, вышовъ встричеть, взявъ гостя за руку и пошли въ столовую горницу; ёдучи государь и говоритъ: „Послушай, любезной Дардаванъ! лошадей вы не привязали и некому не заказали, кто уведеть ихъ,—я отвичеть не буду“. Вотъ Зоря крикнувъ: „Притычкинъ!“ Тотъ подскочивъ, онъ ему давъ таково пинка, што тотъ кубарей петь давъ! Вотъ пришли во столовую горницу, сили за столы дубовые, пьютъ, ёдятъ, веселятсе. Когда

вышли изъ-за столовъ, то Зоря Кручининъ и сказавъ: „Государь, сходи-ко въ дочернюю половину и скажи ей, што я въ севоднешній день хочу вступить въ бракъ съ ней“. Государь пошовъ къ дочерѣ и сказавъ: „сряжайся, любезная моя дочь Догада! одѣвайся въ драгоцѣнное платье; въ севоднишній день хочеть вступить въ бракъ съ тобой князь Дардаванъ“... Она сказала ему: „послушай, батюшко! не торопись; это прѣѣхавъ не князь Дардаванъ, а Зоря Кручининъ нашъ“. „Можоть-ли быть? сказавъ государь. „Вѣрно онъ,—отвѣчала она;—вотъ если ты хочешь удостовирить(ся), сходи, попроси, штобы онъ здись ночовалъ у насъ; если онъ согласитсе ночевать, то я отведу ему спальню и зажгу люстру о множествѣ свичъ“... Въ это время, когда государь ушовъ къ дочерѣ на половину, Притычкинъ подскочивъ къ Зорѣ и шепчоть ему на ушко: „Вслучаѣ государь придетъ отъ дочери и будетъ просить насъ у ево переночовать, ты согласись. Когда-жо насъ онъ поведеть въ спальню, и мы будемъ въ спальнѣ, то про тебя будетъ излажена постеля золотоубранная; люстра повѣшена будетъ о множествѣ свицъ; ты когда подойдешь къ постелѣ—вскрици: Притычкинъ! Я подскочу, ты и дай мнѣ въ ухо такую бляблю, штобы я перевернувсе, и говори мнѣ: „ты развѣ не знаешь, што я не сплю на чужихъ постеляхъ? Гдѣ моя дорожная стопудовая постеля и гдѣ мой драгоцѣнный камень?“ Притычкинъ скрывсе.

Вотъ какъ сказавъ Притычкинъ, такъ все и сдѣлалось: приходитъ государь и просить ево ночевать; онъ согласивсе. Послали ему постелю золотоубранную, повисили люстру о множествѣ свицъ, онъ и вскричавъ: „Притычкинъ!“ И далъ ему въ ухо, говоря: „ты развѣ не знаешь, што я на чужихъ постеляхъ не сплю? гдѣ моя дорожная стопудовая постеля и мой драгоцѣнный камень?“ Вотъ эту постелю приказали убрать, а послали свою стопудовую, приказали потомъ затушить и люстру, а положили на столъ драгоцѣнный камень—лутше многово множества свицъ! Зоря Кручининъ залезъ на постелю и поваливается ужъ спать; Притычкинъ подскочивъ, сапоги сдергиваетъ. Пришовъ государь и говоритъ: „любезной мой зять, князь Дардаванъ! спокойна тибѣ ночь и прятной сонъ!“ И Зоря пожелавъ государю тово-жо. Государь ушовъ, а Притычкинъ сунувсе

куда-то въ уголокъ. Когда пробило одинъ часъ за полночь, то ее высочество Догада послала одну служанку: „Пойди, сходи, возьми у нихъ драгоцѣнной камень и принеси мнѣ!“ Нянька уже подошла къ дверямъ, гдѣ онѣ опочивали, слушаетъ: храпятъ, ну, думаетъ, спать; отворила двери взяла со стола драгоцѣнной камень и скоро обратилась назадъ, штобы выдти изъ комнаты вонъ. Вдругъ откуда не возьмись—Притычкинъ: „Ахъ, сударыня! говорить, это не хорошо воровать такіе вещи, какихъ во всемъ вашемъ городѣ нѣтъ“... Она сказала: „Притычкинъ, отпусти пожалуста! я обложила, не въ ту комнату зашла“. Онъ сказавъ ей: „Не оправдывайся! Не хочешь-ли я о такомъ вашемъ поступкѣ доложу Христофору Скурлатовичу? Расплатись, сударыня! не то я васъ не уважу, не отпущу“. Она отвичаетъ: „Чѣмъ-жо мнѣ расплатитсе, Притычкинъ, у меня и денегъ нѣтъ?“ „Такъ оставте закладець!“ „Да какой я оставлю закладець?—у меня нечево нѣтъ“. Онъ говоритъ: „Сними съ себя юбочку-тѣлогрѣйку и курточку, да съ головы платокъ!“ Дѣлать нечево, сняла съ себя служанка юбочку-тѣлогрѣйку, курточку и платокъ. „Ну, говорить, судароня! теперъ иди да больше не приходи къ намъ“. Притычкинъ положивъ это сибѣ взголовье, не надо и подушка!

Вотъ эта самая Догада, какъ только пробило четыре часа, посылаетъ опѣтъ вторую служанку: „пойди, говоритѣ, онѣ топеръ ужъ спать“. Вторая служанка сходила и тожо счастье получила, што и первая; Притычкинъ опѣтъ взявъ закладець; вотъ ужъ у ево и постеля готова! Вотъ пробило ужъ пять часовъ, ее высочество сама изволила ийти, штобы украсть драгоцѣнной камень. Вотъ она приходитъ въ эту самую комнату, подходитъ къ столу, беретъ драгоцѣнной камень,—только бы ийти назадъ, а Притычкинъ тутъ, какъ тутъ! „Ахъ, ваше высочество! это нехорошо: всю ночь безпокоите насъ, хотите украсть такую вещь, какой во всемъ вашемъ городѣ нѣтъ“. Она тогда ему и говорить: „Ахъ, Притычкинъ! отпусти пожалуста; я съ глупа это сдѣлала“... „Нѣтъ, нѣтъ, сударыня! говорить. Притычкинъ, — ты не оправляйсе этимъ... Расплатись со мной, тогда я васъ отпущу, а то не уважу“. „Ахъ, Притычкинъ! да у меня денегъ нѣтъ расплатитсе съ тобой,—говоритъ она, а При-

тычкинъ знай-сибѣ держитъ ее. „Тогда, судароня, оставте закладець!“ „А што я вамъ оставляю, Притычкинъ?“ „А вотъ што, говоритъ: юбочку-тѣлогрѣйку, курточку и съ головы платокъ!“ „Ахъ, да это не хорошо! говоритъ. „Што дѣлать, ваше высочество! не туды зашли, такъ больше и не ходите сюда!“ Дѣлать нечево она сняла все это и со стыдомъ ушла вонъ. Вотъ Притычкинъ наживъ сибѣ и одіяло! Потомъ закрывъ онъ двери и легъ спать, некто ужъ больше не приходивъ.

По утру, когда солнце взошло и заря была чисто-багряна, государь, видя, што солнце взошло, пошовъ въ комнату будить князя своево, поздравлѣеть ево съ веселымъ днемъ, и онъ обратно такъ-жо. Вотъ онѣ пошли въ столовую горницу, начели пить, истъ, веселитце. Вотъ Зоря Кручининъ и говоритъ: „Государь! сходи въ дочернюю половину и скажи, штобы обряжалась въ свое платье, я сичасъ желаю вступитъ съ нею въ бракъ, а не то отѣду въ свои предѣлы галилейскіе“. Государь пошовъ къ ней и сказавъ: „Сряжайсе, любезная моя Догада, не то князь хочотъ отѣзжать въ свои предѣлы“. Она ему сказала: „Не торопись, батюшко! Это не князь Дардаванъ къ намъ пріѣхавъ, а нашъ Зоря Кручининъ“. „А какъ ево ты можешъ приличить (уличить), што не князь Дардаванъ?“ „А вотъ што, пойди загни ему загадку“...

А когда государь ушовъ въ дочернюю половину, то Притычкинъ подошовъ къ Зорѣ и шейнувъ на ушко: „когда государь придетъ оттуда и скажетъ: „вотъ што, любезной зятюшко! я загану тибѣ загадочку“, ты ему и говори обратно: „Государь мой! я не могу вашихъ загадокъ отгадывать, только я слыхавъ отъ папеньки своево, очень забавную загадку“... Онъ тибѣ и скажотъ: „Братъ, послушай, загни пожалуста; у насъ вѣдь плохія загадки, у васъ лутше нашихъ, я послушаю“. Ты вотъ и розкажи про ночь-ту!“ Какъ сказавъ Притычкинъ, такъ все и сдѣлалось. Вотъ Зоря Кручининъ ему (государю) и загадываетъ: „Я ночешную ночь почивалъ въ вашей спальнѣ, мнѣ (и) снилось во снѣ, што я въ вашемъ саду гулявъ сей ночи, и снилось, што я тамъ поймавъ три козы и съ трехъ козь снявъ девять кожъ“. Вотъ Государь выслушавъ это, не разгадавъ; тогда Зоря и говоритъ ему: „Ты, государь, какое-жо

имѣешь управленіе въ своемъ дворцѣ: я почивалъ у васъ эту ночь, а дочь ваша хотѣла украсть у меня драгоцѣнной камень, и приходи(ли) вотъ три козы и оставили вотъ по три кожи“, и подаетъ ему ихъ одежды.

Государь, выслушавъ такой разговоръ, побѣжавъ къ дочерѣ на ея половину и закричавъ: „Сряжайсе поскорѣе въ свое драгоцѣнное платье; ты вотъ какъ дѣлаешь, — хотѣла украсть у гостя драгоцѣнной камень!..“

Она тутъ ужъ не могла отдутьсе, одѣлась въ свое драгоцѣнное платье и бракосочеталисе.

Вельскій у., дер. Давыдовская въ „Хмельникахъ“.

Зап. со словъ Ф. Старцева. 90-е годы.

24. Колдунъ и Анастасія прекрасная.

Жиль-былъ старичокъ со старухой и былъ у нихъ одинъ сынъ. Вотъ онѣ сидели и ужинали, разговаривали со старухой. Старуха ему и говоритъ: „Вотъ, што, старикъ! отдадимъ мы мальчика куда нибудь въ ученье?“ „Можно, — отвитивъ старикъ. „Такъ въ утрѣ встань да и сведи его въ городъ!“

Старикъ по утру вставъ, взявъ мальчика и пошли въ городъ. Попадаетсе ему на встричу человѣкъ: „Здравствуй, говоритъ, старичокъ! Куда пошовъ?“ „Да, въ городъ, — отвитивъ старикъ. „А што надо въ городѣ?“ „Да, вотъ, говоритъ, повель мальчика, кабы отдать кому нибудь въ ученье?“ „Послушай, старичокъ, — отдай мнѣ, я чово самъ знаю, то и ево выучу“. — „Братъ, да оченно радъ,“ говоритъ старичокъ, „нарошно и пошовъ я искать такихъ людей, штобы ево выучить;“ согласивсе на это. Незнакомецъ сказавъ: „я беру съ тѣмъ, што на три года, а черезъ три года если узнаешь ты ево, то твой, а не узнаешь — мой“. Старикъ поглядѣвъ на мальчика и думаетъ: „неужли я не узнаю черезъ три года своео сына? не черезъ тридцеть лѣтъ“... Согласивсе старикъ и пошли онѣ въ городъ, пришли онѣ въ городцкую думу, сдѣлали условье между собой. Когда все это заключили, — незнакомецъ повель мальчика къ сибѣ, а старичокъ пошовъ домой. Приходя, старуха ево и спрашиваетъ: „куда-жо ты мальчика отдавъ? Старикъ отвичеетъ, што „отдавъ въ